

Е. С. Коган
Екатеринбург, Россия

СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ В ЗЕРКАЛЕ СЕВЕРНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются слова и фразеологизмы, возникшие в русских говорах в период XX (начиная со времени революции) — начала XXI в. Показано, какие реалии данного исторического периода нашли отражение и интерпретацию в языке. Предпринята попытка хронологической классификации этих языковых фактов, дается анализ мотивировки. Рассматриваемые в статье единицы не всегда фиксируются словарями, поскольку кажется, что прошло еще слишком мало времени для того, чтобы судить о статусе таких единиц: квалифицировать их как уже устоявшиеся и прочно вошедшие в состав языка или же отнести к категории временных явлений. Основной корпус материала представляют полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета, также используются данные диалектных словарей. Выделяются следующие периоды в истории России XX в., для каждого из которых характерны свои идеологические и культурные доминанты: период революции и Гражданской войны; постреволюционный период; Великая Отечественная война; послевоенный период; постсоветский период. Реалиями, получающими диалектную лексическую или фразеологическую номинацию, становятся новые технологические процессы сельского хозяйства; должности и статусы; предметы быта. Для диалекта XX в. характерно использование штампов начала советского периода, фразеологизация знаковых текстов, стремление к наукообразности. Существенно активнее используется номинация, которую можно обозначить как «регрессивная» (при которой новые лексемы и фразеологические единицы используются для обозначения уже известных идеограмм), нежели чем «прогрессивная» (номинация новых идеограмм через известные образы).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалект; фразеология; лексика; семантика; революция; история XX века.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коган Екатерина Сергеевна, научный сотрудник, топонимическая лаборатория, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ekaterinakogan@yandex.ru.

Лексика языка обладает культурной спецификой и выступает как своего рода проявление ее в языке. «Очевидно, что основную культурную нагрузку несет лексика: слова и словосочетания. Из них складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка» [Тер-Минасова 2000: 147]. О национальном колорите лексики и фразеологии писали Б. А. Ларин, В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров и др. [см.: Телия 1999: 13—24; Мокиенко 2009: 3—7; Верещагин, Костомаров 2005: 41—46]. Обычно рассмотрению в этом аспекте подвергаются традиционные фразеологизмы и слова, давно вошедшие в узус. Однако в языке постоянно возникают — на длительное или не очень продолжительное время — различные новые образования. И если закрепившиеся в составе языка фразеологические единицы и лексемы отображают традиционную картину мира с ее предметными и идейными константами (некоторые из которых на настоящий момент стали уже неопознаваемы^[1]), то единицы, возникающие в новое время, дают возможность проследить, какие перемены, происходящие в истории и культуре народа, воспринимаются как наиболее существенные и получают языковое отражение. По замечанию Б. А. Ларина, «фразеологизмы <...> всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи» [Ларин 1977: 156]. Это же высказывание справедливо и для изменений, затрагивающих лексический состав языка.

Революция 1917 г. явилась переломным моментом в истории России. Изменился политический строй, изменился уклад хозяйства, появились новые реалии. Такие изменения не могли не отразиться в языке. В говорах русского языка возникли устойчивые образные единицы, являющиеся реакцией на проведенные преобразования. Они не всегда фиксируются словарями, поскольку кажется, что прошло еще слишком мало времени для того, чтобы судить о статусе таких единиц: квалифицировать их как уже устоявшиеся и прочно вошедшие в состав языка или же отнести к категории временных явлений. Именно наблюдения за лексемами и фразеологизмами, возникшими в XX—XXI вв. в севернорусских говорах, стали объектом настоящей статьи. Основной корпус материала представляют полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета, также используются данные диалектных словарей.

Новые единицы, реализующиеся в говорах, представляют собой вербализацию новых идеограмм или использование новых образов для обозначения уже существующих понятий. Для каждого периода в истории России XX в. характерны свои идеологические и культурные доминанты.

Период революции и Гражданской войны не отмечен активной номинацией новых понятий, однако фиксируется использование образов этого важного для страны хронологического этапа. Контраст революционного и бытового подчеркивает негатив-

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

ную оценку нового строя. Это может быть проявлено в значении единицы, когда на основании цветовой символики происходит использование образа для эвфемизации: костр. окт. *красноармейцы пришли* 'о *tensis*' [ЛК ТЭ]. Другой путь — использование единицы в нейтральном значении, однако негативность оценки проявляется в контексте: костр. окт. *комиссарская еда* 'сытная, вкусная еда' (*Комиссары-те всё отбирали — вот, говорили, хорошо живут. Комиссарской бы еды нам. Кто хорошо ест — вот, скажем, комиссарская еда*) [ЛК ТЭ]; *комиссарик* 'лепешка из картофельных очистков, обычно без муки' (*Из картошки трахмал достанут, а из отёрышей этих пекли комиссариков. Комиссары-то последнее отнимали; Из картошки стряпали драники, комиссарики-то. В голодные годы муки комиссары не оставили*) [ЛК ТЭ]. Нейтральная оценка, подчеркивающая, однако, разницу из-за нового социального расслоения, прослеживается в лексемах костр. окт. *комиссар* и *комиссариха* 'человек, который живет в достатке, хорошо одевается, как правило, образован' (*Комиссары-те богатые люди, грамотные. Кто получше оденется — ну, скажем, комиссар; Комиссариха богатая и благородная женщина. Идёт — приоденется*).

Новые реалии воспринимаются, по-видимому, настолько ярко, что их имена переносятся на уже привычные, повседневные реалии, а это позволяет переосмыслить их, выделить новые черты у знакомых вещей. Так, *наган*, официально принятый на вооружение в русской армии еще в 1896 г., но ставший своеобразным символом революции, дает свое имя такому традиционному предмету, как точильный брусок (костр. шар. *С наганом [на покос] ходили. Сошьют футляр из кожи, из резины, из сапога, наган-то положат, как в кобуру* [ЛК ТЭ]).

Один из немногих отмеченных случаев номинации новых для того времени реалий — обозначение иностранных интервентов 1918 г. Поскольку на территории Архангельской области находились в основном силы Великобритании, для номинации стало использоваться искаженное заимствование из английского языка, представляющее собой наиболее часто произносимую интервентами фразу: арх. вин, прим, мез. *камана, каманы* 'английский или канадский солдат (как правило, об интервентах 20-х гг. XX в.)' (*Маленькая я была, к нам англичане приехали, интервенты. Всё говорили нам: „Кам он“ [искаженное английское *come on*]. Вот и прозвали их каманами*) [СГРС, 5: 44].

В постреволюционный период важнейшим идеологическим изменением стано-

вится отказ от религии и насаждаемый атеизм. Во фразеологии абстрактная идея сменяется мировоззрением, проявляется при помощи конкретного образа: костр. окт. *крест отлупить* 'не молиться, перестать быть верующим' [ЛК ТЭ]; ср. более позднее: костр. вох. *за Бога схватиться* 'стать верующим человеком' [ЛК ТЭ].

В повседневной речи закрепляется идеологическая лексика эпохи. Слово *ликвидировать(ся)*, пришедшее из штампов *ликвидация безграмотности* и т. п., расширило сферу сочетаемости и приобрело значение бытийного исчезновения, перехода в небытие: костр. вох. 'уничтожать' (костр. вох. *Птичек ликвидирует, зараза; Нехороша картошка, я ликвидировала её, мне не понравилась*); костр. пав. 'разрушиться, прийти в упадок' (костр. пав. *Там ни одного дома нет, всё ликвидировалось*); костр. вох. 'пропасть, умереть' (*Так вся семья и ликвидировалась, только старший сын и остался*). Также активно начинает использоваться слово *аннулировать(ся)*, появляющееся в речевом обороте незадолго до революции^[2], в значении (костр. шар.) 'исчезнуть, разрушиться, пропасть' (*Та деревня аннулировалась, да та*) [ЛК ТЭ]. В диалект попадают и политические термины, из-за своей непонятности подвергающиеся переосмыслению: костр. вох. *мандаты* 'вещи, пожитки' (*Мандаты свои складывайте*) [ЛК ТЭ]. В данном случае изменение семантики вызвано аттракцией с простореч. *манатки* и обценной лексемой.

Характерное для этого периода стремление к аббревиации, сложению слов проникает и в диалекты, закрепляясь там как в лексике сельскохозяйственной и производственной сферы, которая становится все более «научной», терминологически отмеченной: костр. кад. *весновспашка* 'поле под весенний сев' (*Осенью — рожь сеяли, весной, чтобы овёс да пшеницу посеять, надо весновспашку приготовить*); костр. пыщ. *грузоматка* 'сплавной плот, который тянут буксиром' (*Билана тоже сойма, грузоплот, грузоматка, билану буксир тянет*), — так и в повседневной речи: костр. кологр. *крутосыпь* 'крутой осыпающийся берег' (*Один берег крутой и осыпается — то крутосыпь, а другой берег пологий*).

Отражается во фразеологизмах и изменение жизни в деревне: влг. *в лаптях за трактором* 'о невозможности осуществления какого-либо действия, желания' [Золотые россыпи: 26]. Классовость мировосприятия проявляется во фразеологизмах: псков. сер. *буржуев потолок* 'о чрезмерно высоком уровне жизни' [СППиП: 62]; псков. гд. *жить*

что буржуи 'о богатой, обеспеченной, благополучной жизни кого-л.' [СППИП: 88]. Интересно отметить факт совмещения в одной фразеологической единице двух характеристик социального статуса: псков. гд. *дворяниться, как буржуй* 'о важничающем и бездельничающем человеке' (*Иванов Андрей у нас был, рыбзавод у няво имелся, работяга был, а другой-та не работал, дворянился, как буржуй*) [СППИП: 88]. Идеологические изменения проявляются и в переосмыслении понятия интеллигенции: костр. шар. *интеллигент* 'лентяй, тот, кто отлынивает от работы' (*Интеллигент вот этот, который приезжает да ничего не делает, все работы ему нипочем, может только отдыхать*) [ЛК ТЭ].

Ставший «дежурным» лозунг *пролетарии всех стран, соединяйтесь!* становится основой для фразеологизма перм. чернуш. *пролетария всех стран* 'о бойком, проворном, не обремененном делами человеке' (*Надька-то у нас в Башкирию уж сгоняла. Чё она — пролетария всех стран дак...*) [СРГЮП, 2: 472]. На развитие указанного значения, очевидно, влияет народная этимология слова *пролетарий*, сближающая его с *пролетать*, а также еще одно «дежурное» высказывание: «Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей».

Происходит изменение хозяйственного уклада, появляются колхозы. Это порождает возникновение новых должностей: костр. окт. *красный сват* 'агитатор (призывающий вступить в колхоз, позднее — участвовать в выборах и т. п.)' (*Красные сваты всё ходили в колхоз звали. Теперь вот за „Единую Россию“; Однажды красные сваты пришли к нам, они сказали моему отцу: „Вот что, Худяков, вступай в колхоз, иначе тебе не устоять, раскулачат!“*) [ЛК ТЭ]. Укрупнение хозяйств, перевод скота из личного владения приводит к противопоставлению «государственный» (как «чужой») — «свой»: костр. с-гал. *инкубаторский* 'о ребенке, зачатом вне брака' (*Она сделала ребенка до замужества, говорят — инкубаторский*) [ЛК ТЭ].

Новый появившийся орган власти — сельсовет — на основании главенствующего положения за счет функций управления, решения вопросов дает переносную номинацию для обозначения *головой*: арх. леш. *Ты у Клавдеи спроси, у ее сельсовет работает*; влг. сокол. *Дак ведь в сельсовете-то совсем худо стало* [ЛК ТЭ].

Постреволюционная экономическая разруха, нестабильность также находят фразеологическое воплощение: костр. окт. *лешевы кошельки* 'мешки с рожьё, овсом

и др., которые обменивались на разные товары после революции' (*Баушка рассказы-вала, как они носили лешевы кошельки. Менялись на одёжу, на лампы, кто на чего. Омманывали их часто*) [ЛК ТЭ]. Мотивация данного выражения является, вероятно, комплексной: кроме явной негативной оценки, стоящей за словом *леший*, здесь проявляется восприятие *лешего* как нечеловеческого и, следовательно, неправильного, не настоящего; также, вероятно, в данном случае отображаются представления о большом росте лешего^[3] (то, что для человека мешок, для него — кошелек).

Начинающаяся в стране электрификация во фразеологии получает и нейтральную (перм. киш. *световой столб* 'фонарной столб' [СРГЮП, 3: 183]), и весьма негативную оценку (коми у-цилем. *бесова обора* 'линия электропередач' [ФСРГНП, 1: 41]; ср. *обора* 'завязка лаптя').

Появляются и новые предметы быта (псков. гд. *заводить свой граммофон*^[4] 'начать ругать, высмеивать кого-л.' [СППИП: 32]).

В 1930-е гг. вводится система трудовой. Новый тип товарно-денежных отношений часто оценивается как обман, работа без выгоды для себя: новг. *работать за палочки* 'быть обманутым, работать без какого-л. вознаграждения, бесплатно'^[5] [Сергеева 2004: 231]. Однако можно говорить и о принятии данной системы, хоть и с легким оттенком иронии: псков. сер. *Ванька с трудоднями* 'о трудолюбивом колхознике с хорошим заработком' [СППИП: 19].

Общее обеднение, упадок хозяйства проявляются и в выражении коми у-цилем. *сталинская корова* 'коза' [ФСРГРК: 250], где атрибут *сталинская* выступает в позиции обозначения «неправильности», в традиционной культуре выражаемой при помощи прилагательных типа *цыганский, татарский* и пр. (ср. *цыганское солнышко* 'луна' [СРНГ, 39: 272]).

С 1938 г. появляется выражение *считайте меня коммунистом*, приобретшее в говорах несколько иное значение и расширившее сферу употребления: вместо прочной связки с ситуацией ухода куда-либо (как это происходит в разговорном варианте литературного языка) и практически нулевой собственной семантики оно используется для обозначения смирения, примирения со сложившимся отчаянным, безвыходным положением: коми прилуз. *Раньше никакая болезнь не брала, теперь — считай коммунистом, заляжешь на печь, отлѣживаешься* [ФСРГРК: 258].

Великая Отечественная война снова

ломает привычное течение жизни. На долгое время быт, уклад становится настолько иным, что целое поколение получает фразеологическую номинацию: костр. окт. *кукольные дети* 'дети, выросшие в голодные годы, питавшиеся в детстве куколом (отходами при околачивании льна)' (*Мы-то кукольные дети, чего видали в детстве-то? Куколь да пылохту или; Наше поколение-то кукольные дети, все травы переели*) [ЛК ТЭ]. Страшные события войны становятся основой для сравнений: костр. кад. *как хатынь* 'о разоренном, сожженном месте' (*После войны белорусскую деревню Хатынь сожгли дотла. Всё тут теперь как Хатынь*) костр. кад. [ЛК ТЭ].

По-видимому, к этому периоду следует отнести и лексему костр. окт. *камуляжка* 'фляжка, бутылка' [ЛК ТЭ], являющуюся искажением от «камуфляжка», поскольку камуфляж как таковой и камуфлирование фляг ранее не использовались в Российской империи и СССР.

Даже серьезные вещи со временем получают смеховое переосмысление. Фамилия самого известного диктора времен Великой Отечественной войны, Ю. Б. Левитана, становится апеллятивом, обозначающим много говорящего человека: костр. кад. *Много говорит человек, он левитан* [ЛК ТЭ].

К **послевоенным** нововведениям следует отнести, по-видимому, выражение новг. *голова как дом советов* 'кто-л. очень умный, толковый, сообразительный' [Сергеева 2004: 75], а также фразеологическое обозначение налога на бездетность (введенного в 1941 и 1944 гг.) — костр. вох. *налог на девок* (*Налог на девок был — как восемнадцать лет исполнилось — плати, что бездетный*) [ЛК ТЭ].

В 70—80-е гг. в состав языка входит аббревиатура милицейских протоколов *бомж* (<человек> без определенного места жительства) и активно осваивается диалектом в направлении образования разнообразных переносных значений. Невстроенность человека маргинального статуса в социум, его одиночество становится основанием для переноса костр. кад. *бомж* 'холостяк' (*У нас в домах по одному живут, называем бомжи, одиноких мужчин, которые и не женились*) [ЛК ТЭ]; специфический запах, являющийся характерной особенностью такого человека, приводит к образованию номинации костр. вох. *бомж* 'неудачно раскрывшаяся банка с соленьями' (*Крышку вот вздует, воздух оттуда выйдет, огурцы скиснут, вот и называется бомж. Что, говорят, ты мне бомжа продашь?*) [ЛК ТЭ]; неприязнительность же в еде и употребление в пищу

наиболее дешевых продуктов дает перенос костр. вох, мак. *бомж, бомжик* 'пакет быстрорастворимого супа, вермишели' (*„Супчики дня“, наверное, едите, я их все бомжики называю; Дай вилку — бомжа-то ести*) [ЛК ТЭ].

К фразеологизмам **постсоветского периода** относятся костр. окт. *едовые деньги* 'прибавка к пенсии, деньги на еду' [ЛК ТЭ], а также обозначение новых продуктов питания: перм. уинск. *бушева голяшка* 'импортные куриные окорочка' [СРГЮП, 1: 192], где смеховой эффект создается за счет восприятия отфамильного прилагательного в качестве указания на «обладателя» вместо обобщенного обозначения страны-импортера. Интерес представляет выражение костр. окт. *пелёвный чай* 'чай в пакетиках' [ЛК ТЭ] (время появления — также 1990-е гг.), где образ *пелёвы*, отходов от обмолота овса, используется для обозначения плохого качества чая. Эта же реалия получает и иное наименование, отображающее, вероятно, форму объекта и способ заварки: костр. вох. *лягушка, лягушонок* 'чайный пакетик' (*А чай лягушками?; У тебя есть лягушата-ти? Это чайные пакетики, это сейчас называют. В воду опускают, в кипяток — так лягушата-ти и есть*) [ЛК ТЭ].

В лексике этого периода находит отражение появление новых областей деятельности: костр. кад. *бегун* 'предприниматель' (*Теперь к кому мы относимся? К бегунам? Предприниматели, богачи. Приносим им — сам ложишь*) [ЛК ТЭ].

Развитие атомных разработок, начавшихся в 30-е гг., их сложность и требовательность к информационной адекватности человека стали характеристикой современного периода: костр. окт. *атомный* 'о современном ребенке' (*Нынче атомные все детки, за компьютером сидят*) [ЛК ТЭ].

Новые реалии, появляющиеся на рубеже XX—XXI вв., проникают и в деревенский быт, получая более простые и понятные номинации: костр. вох., окт. *брякотушка* 'мобильный телефон (или таксофон на столбе в деревне)' (*Гойду ко брякотушке, ценов не знаю, боюсь говорить-то; Эдакая-то брякотушка денег-то не берет*) [ЛК ТЭ]; костр. окт. *наушник, прибалыха* 'то же' (*По наушнику-то не умею говорить; Наушники у всех есть, прибалыхи-то. Всюду достанут, а с того света — нет*) [ЛК ТЭ] (при этом можно отметить некоторое недоверие к технологическому новшеству, проявляющееся в номинации *прибалыха*: ср. костр. вох., окт. *прибалыхнуть* 'приврать' [ЛК ТЭ]).

Отношение же к новой власти меняется на положительное: костр. шар. *советская*

власть кончилась 'хорошая дорога кончилась' („*Советская власть кончилась*“, — *так всегда говорили на полдороге из Одоевского в Конёво. Хорошая дорога кончилась, началась плохая*) [ЛК ТЭ].

Отдельную группу составляют выражения, в которых ключевой является ситуация освоения **новой лексики**. При этом слова могут использоваться как в более или менее присущем им значении (псков. пушк. *безгрешная бактерия* 'о тихом, смирном человеке' [СППиП: 15]; костр. вох. *инструкция* 'какое-л. дело, в котором много тонкостей' (*Печки раньше битые были, из глины их делали, дым выходил через колодцы... Это ж целая инструкция!*) [ЛК ТЭ]), так и практически без учета семантики, для большей экспрессивности, достигающейся за счет непонятности: псков. гд. *показать аннексию* 'ответить ударом на удар, дать сдачи' [СППиП: 15].

Становятся фразеобразующими обозначения новых реалий, ср.: перм. куед. *читать газету* 'оставаться голодным из-за отсутствия еды' [СРГЮП, 3: 364—365]; коми прилуз. *мерить асфальт* 'бесцельно, неприкаянно ходить, ничего не делая, бродить, слоняться' [ФСРГРК: 128]. Находят фразеологическое отражение новые продукты питания: кефир, который фабричным способом начинают производить в Москве с 1913 г., но в деревнях он появляется несколько позже, получает наименование костр. пав. *молоко из-под бешеной коровы* [ЛК ТЭ], в котором ощущается восприятие данного продукта как нового, непривычного для деревенской культуры. Фабричное производство молока осмысливается через образ человеческих отношений, разведение содой, по-видимому, воспринимается как параллель к древней идее «разбавления крови»: костр. окт. *дочку взамуж выдать* 'развести молоко содой' (*Нынче в городах-то какое молоко? Все дочку взамуж выдадут, в бутылки нальют*) [ЛК ТЭ]. В 20-е же годы в городской, а позднее, очевидно, и в деревенской культуре еды устойчивое место занимает салат «Оливье»^[6]: костр. парф. *Авилье по праздникам готовит*. *Это всем известный салат* [ЛК ТЭ].

В диалектной фразеологии отражаются и изменения в городской действительности: псков. остр. *липовый кондуктор* 'гроб' [СППиП: 46].

Таким образом, реалиями, получающими диалектную лексическую или фразеологическую номинацию, становятся новые технологические процессы сельского хозяйства; должности и статусы; предметы быта. Для диалекта XX в. характерно использование

штампов начала советского периода, фразеологизация знаковых текстов, стремление к наукообразности. Наименования новых реалий осмыслиются и переосмысливаются, становясь базой для переносных и фразеологических номинаций; привычные реалии быта, духовной сферы, мифологии используются для обозначения появившихся объектов. При этом существенно активнее используется номинация, которую можно обозначить как «регрессивная» (при которой новые лексемы и фразеологические единицы используются для обозначения уже известных идеограмм), нежели чем «прогрессивная» (номинация новых идеограмм через известные образы).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Речь идет в первую очередь о нечленимых образах фразеологических сращений по В. В. Виноградову типа *тянуть канитель*, где не распознается как образ канитель.

[2]. По данным Национального корпуса русского языка. Одна из первых фиксаций *аннулировать* — «Прошение заканчивается следующими словами: „прошу пронский Уездный Съезд приговор г. земского начальника 8 участка, от 17 апреля сего года, по обвинению меня в проступке, предусмотренном им 169 ст. Уст. о нак., аннулировать и от шестимесячного наказания оправдать. Степан Бирюков“» — в материале «Деревенские „юристы“» («Утро России». 1912. 7.06) [Аннулировать].

[3]. Ср.: костр. вох. *И Бог есть, и большой мужик (т. е. леший) есть. Кто это меня выше лесу нёс? Это ведь меня большой мужик нёс!* влг. баб. *Идет настух, смотрит - лежит на барабане: ноги этак, сам метра три длиной* и др.

[4]. Первые упоминания о появлении граммофонов в деревне относятся к 1910-м гг.: «Один местный крестьянин к сезону свадеб купил недорогой граммофон с пластинками и ходит по приглашениям по вечеринки, где за весьма приличную плату (от 1 рубля до 3) играет весь вечер различные плясовые пиесы» (Московские ведомости, 16 (03) марта 1910 г.). Повсеместную распространённость следует отнести, по-видимому, к более позднему периоду.

[5]. Скорее, «работать за трудодни».

[6]. Согласно Национальному корпусу русского языка, «Оливье» появляется в текстах с 1920-х гг. [Оливье].

ИСТОЧНИКИ

1. Аннулировать : результаты поиска // Национальный корпус русского языка. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=\(\(created%253A%253E%253D%25221900%2522\)%2520%2526%2526%2520\(created%253A%253C%253D%25221950%2522\)\)&mysent=&mysize=74177649&mysentsize=6429322&mydocsize=50968&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E0%ED%ED%F3%EB%E8%F0%EE%E2%E0%F2%FC&p=2&docid=95937&sid=12](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=((created%253A%253E%253D%25221900%2522)%2520%2526%2526%2520(created%253A%253C%253D%25221950%2522))&mysent=&mysize=74177649&mysentsize=6429322&mydocsize=50968&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E0%ED%ED%F3%EB%E8%F0%EE%E2%E0%F2%FC&p=2&docid=95937&sid=12) (дата обращения: 6.06.2017).

2. Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в

вологодских народных говорах / отв. ред. Л. Ю. Зорина. — Вологда : ВГПУ, 2014.

3. ЛК ТЭ = Лексическая картотека топонимической экспедиции каф. русского языка и общего языкознания / УрФУ.

4. Оливье : результаты поиска // Национальный корпус русского языка. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=52736&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CE%E8%E2%FC%E5&mode=main&mycorp=\(\(created%253A%253E%253D%25221880%2522\)%2520%2526%2526%2520%2526%2526%2520%253A%253C%253D%25221950%2522\)\)&mysent=&mysize=92608234&mysentsize=7845673](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=52736&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CE%E8%E2%FC%E5&mode=main&mycorp=((created%253A%253E%253D%25221880%2522)%2520%2526%2526%2520%2526%2526%2520%253A%253C%253D%25221950%2522))&mysent=&mysize=92608234&mysentsize=7845673).

5. СГРС = Словарь говоров Русского Севера. — Екатеринбург, 2001—... Т. 1—...

6. Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. — Великий Новгород, 2004.

7. СППиП = Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб. : Норинт, 2001.

8. СРГЮП = Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1—3 / под ред. И. А. Подюкова [и др.]. Пермь, 2010—2012.

9. СРНГ = Словарь русских народных говоров. Т. 1—... — М. ; Л., 1966—...

E. S. Kogan

Ekaterinburg, Russia

SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS IN THE MIRROR OF NORTH-RUSSIAN DIALECTAL VOCABULARY AND PHRASEOLOGY

ABSTRACT. *The article discusses the words and phraseological units that appeared in Russian dialects in the XX century (after the Revolution) and the beginning of the XXI century. It is shown which realia of this historical period were fixed in the language. An attempt is undertaken to give a chronological classification of these facts and to provide the analysis of the motives. The language units, studied in the article, are not always fixed in the dictionaries, as it seems too early to define the status of such units: whether we should classify them as conventional units included in the language or they are rather some temporary phenomena. The material for this research consists of the notes of Toponymic expedition of the Ural University, and the data of the dialect dictionaries. The following periods of the XX century in the history of Russia are singled out, each of them having its own ideological and cultural dominants: the period of Revolution and civil war; post-revolution period; the Great Patriotic War; post-war period; post-soviet period. The realia, which got their lexical or phraseological nomination are new technological processes of agricultural industry; posts and status; household items. The dialect of the XX century is characterized by the use of clichés of the Soviet period, phraseologization of some texts and academic style. "Regressive" nomination is widely used, when new words and phraseological units are used to denote the existing ideograms. "Progressive" nomination (naming of new ideograms using the existing images) is rare.*

KEYWORDS: *dialect; phraseology; vocabulary; semantics; revolution; XX century history.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kogan Ekaterina Sergeevna, Research Officer, Toponymic Laboratory, Ural federal University n.a. the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Annulirovat' : rezul'taty poiska // Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=\(\(created%253A%253E%253D%25221900%2522\)%2520%2526%2526%2520%2526%2526%2520%253A%253C%253D%25221950%2522\)\)&mysent=&mysize=74177649&mysentsize=6429322&mydocsize=50968&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E0%ED%ED%F3%EB%E8%F0%EE%E2%E0%F2%FC&p=2&docid=95937&sid=12](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=((created%253A%253E%253D%25221900%2522)%2520%2526%2526%2520%2526%2526%2520%253A%253C%253D%25221950%2522))&mysent=&mysize=74177649&mysentsize=6429322&mydocsize=50968&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E0%ED%ED%F3%EB%E8%F0%EE%E2%E0%F2%FC&p=2&docid=95937&sid=12) (data obrashcheniya: 6.06.2017).

2. Zolotyie rossypi: slovar' ustoychivyykh oborotov rechi v vologodskikh narodnykh govorakh / отв. ред. Л. Ю. Зорина. — Вологда : ВГПУ, 2014.

3. ЛК ТЕ = Лексическая картотека топонимической экспедиции каф. русского языка и общего языкознания / УрФУ.

4. Oliv'e : rezul'taty poiska // Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=52736&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CE%E8%E2%FC%E5&mode=main&mycorp=\(\(created%253A%253E%253D%25221880%2522\)%2520%2526%2526%2520%2526%2526%2520%253A%253C%253D%25221950%2522\)\)&mysent=&mysize=92608234&mysentsize=7845673](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=52736&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CE%E8%E2%FC%E5&mode=main&mycorp=((created%253A%253E%253D%25221880%2522)%2520%2526%2526%2520%2526%2526%2520%253A%253C%253D%25221950%2522))&mysent=&mysize=92608234&mysentsize=7845673).

5. СГРС = Словарь говоров Русского Севера. — Екатеринбург, 2001—... Т. 1—...

6. Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. — Великий Новгород, 2004.

10. ФСРГРК = Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. — Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

11. Верещагин Е. М., Костромаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. — М. : Индрик, 2005.

12. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: избр. работы. — М., 1977.

13. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. 3-е изд. — М. : Флинта, 2009.

14. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. — М. : Языки русской культуры, 1999. С. 13—24.

15. Московскія вѣдомости 16 (03) марта 1910 г. [Электронный ресурс] // Газетные старости. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=22943> (дата обращения: 16.06.2017).

16. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — М., 2000.

7. СППиП = Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб. : Норинт, 2001.

8. СРГЮП = Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1—3 / под ред. И. А. Подюкова [и др.]. Пермь, 2010—2012.

9. СРНГ = Словарь русских народных говоров. Т. 1—... — М. ; Л., 1966—...

10. ФСРГРК = Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. — Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004.

11. Vereshchagin E. M., Kostromarov V. G. Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy. — M. : Indrik, 2005.

12. Larin B. A. Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie: izbr. raboty. — M., 1977.

13. Mokienko V. M. Obrazy russkoy rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii. 3-e izd. — M. : Flinta : Nauka, 2009.

14. Teliya V. N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury // Frazeologiya v kontekste kul'tury. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999. S. 13—24.

15. Moskovskiya viedomosti 16 (03) marta 1910 g. [Elektronnyy resurs] // Gazetnye starosti. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=22943> (data obrashcheniya: 16.06.2017).

16. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya : ucheb. posobie dlya studentov, aspirantov i soiskateley po spets. «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya». — M., 2000.